

СРУБЛЕННЫЙ ВИШНЕВЫЙ САД

Марианна СТРОЕВА, доктор искусствоведения

Приезда Отомара Крейчи в Москву ждали с особым чувством. В нем смешивались и давняя наша тяга к первооткрывателю нового Чехова в Европе, начиная с 60-х годов, и садящее душу ощущение вины за судьбу великого режиссера, изгнанного из своего театра, из своей страны. На его спектаклях учились ставить Чехова.

Хотя теперь справедливость восстановлена, у Крейчи всегда была нелегкая судьба и на родине, и на чужбине — и тогда, после 1968 года, и сегодня, когда ему возвращен созданный им театр За Браноу, помеченный римской цифрой «два».

Спектакль Крейчи чужд нарочитого осовременивания. Все извлекается из глубины постижения текста. Зато тридцатилетняя работа над чеховскими пьесами ведется режиссером каждый раз на новом срезе, ином уровне. Последнюю пьесу

Чехова он ставил уже пять раз, эта работа, очевидно, шестая. «Ставить Чехова можно только читая, открывая жизнь его героев, находя приметы их судеб в каждом слове, паузе, молчании, даже в оговорках, которые вроде бы ничего не означают, — говорит Крейча. — У Чехова исполнено смысла и содержания все».

Не странно ли, что в этом спектакле не видно вишневого сада. Уцелели лишь «многоуважаемый шкаф», деревянные стены, стулья да две старинные люстры. А вишневые ветви возникают лишь как воспоминания

о былом, чудятся сквозь стены. Нет, не странно. Сад уже вырублен. С каждым действием потери, убытки становятся все заметнее. И лишь в финале, в пустынном пространстве, где на полу лежит помиравший Фирс, сквозь стены вновь проступает цветение. Но топор гуляет уже в полную силу.

Сценография Ги-Клода Франсуа подчиняется общему режиссерскому замыслу, почти аскетически строгому. Ни грима, ни париков, ни костюмов особых не заметно. В чем были, в том и вышли. Не выразительно? Не эффектно? Да, пожалуй, но Крейча на своем с виду скромном рисунке твердо настаивает. Знаменитая актриса Мария Томашова, которая всегда играла у этого режиссера молодых героинь (и как играла!), исполняет роль Раневской. Любовь Андреевна, просто причесанная, с пучком, наспех заколотым в дороге, слов-

но вышла не на сцену, сидит не на виду, а у тебя дома.

И так живут все: Гаев (Милан Рис), Лопехин (Ян Гартл), юная Аня (Яна Франкова)... Можно заметить, что при таком во все не эффектном исполнении что-то теряется. Да, очевидно: притушен драматизм Гаева, выцветают пропагандистские тирады Трофимова, сглаживается горечь судьбы Вари. Но зато, посмотрите, какой артистизм проступает сквозь купеческую хватку Лопехина! Только спяну он позволяет себе лишнее, а трезвый, элегантный, в очках (ну чем не русский интеллигент) он так любовно подает чашечку кофе Раневской (разумеется, он влюблен в нее, потому и не делает предложения Вале).

Мастерство Отомара Крейчи можно назвать «искусством медленного чтения». При таком подходе искусство неисчерпаемо, бесконечно.

11 Известия 4
26.10.92.